

нозначным выводам. Эта «автоматичность» и ведет Смердякова. У него нет мощного, неевклидовского ума, который есть у Ивана. Но у Смердякова достаточно соображения, чтобы последовать начерченной схеме, чтобы сделать для себя самого однозначные выводы. Смердяков говорит Ивану: «...на вас все мое упование, единственно как на Господа Бога-с!» (т. 10, стр. 107). То есть построения Ивана для Смердякова — трансцендентная аксиоматика. В этом частном случае Иван — избранный, а Смердяков — неразумное большинство, совершенно растерявшееся, утратившее всякую связь с действительностью и смысл происходящего.

Смердяков доказывает (он обращается к Григорию, но говорит, конечно, для Ивана) ненужность веры и невозможность ответственности за предательство. Он приводит пример попавшего в плен к туркам солдата, который отказался принять ислам и был подвергнут тяжелой пытке и казни. Смердяков задает вопрос: «А велик ли грех отказаться от Христа в такую минуту?» (В рассуждении Смердякова дальше становится ясно, что это не грех в любую минуту.) Вроде бы хуже греха и не бывает, чем предательство собственной веры. Но Смердяков строит «контроверзу»: «...едва только я скажу мучителям: „Нет, я не христианин и истинного Бога моего проклиная“, как тотчас же я самым высшим Божиим судом немедленно и специально становлюсь анафема проклят и от церкви святой отлучен совершенно как бы иноязычником, так даже, что в тот же миг-с — не то что как только произнесу, а только что подумаю произнести, так что даже самой четверти секунды тут не пройдет-с, как я отлучен...»; «...в самое то время, как я Богом стану немедленно проклят-с, в самый, тот самый высший момент-с, я уже стал всё равно как бы иноязычником, и крещение мое с меня снимается и ни во что вменяется...» (т. 9, стр. 145, 146). И «заключает» Смердяков так: «А коли я уж не христианин, то, значит, я и не солгал мучителям, когда они спрашивали: „Христианин я или не христианин“, ибо я уже был самим Богом совлечен моего христианства, по причине одного лишь замысла и прежде чем даже слово успел мое молвить мучителям. А коли я уже разжалован, то каким же манером и по какой справедливости станут спрашивать с меня на том свете как с христианина за то, что я отрекся Христа, тогда как я замышление только одно, еще до отречения, был уже крещения моего совлечен? Коли я уж не христианин, значит, я и не могу от Христа отрекнуться, ибо не от чего тогда мне и отречься будет. С татарина поганого кто же станет спрашивать» (т. 9, стр. 147).

Это — проповедь полного нравственного релятивизма. Я — тот, который есть сейчас, — не несу никакой ответственности за того, каким я был секунду назад. С меня нельзя спрашивать за поступки того, кем я был.

Это довольно тяжелое положение. Если я не несу никакой ответственности за поступки, совершенные мной же, но как бы другим мной, секунду назад, я не только распадаюсь на моменты существования, но я не могу наследовать самому себе. Я ничего не могу собрать: как только попробую поднять камень — тот, что в руке, непременно выроню. Так он у меня всегда один и будет. Мне нужна точка сборки. И этой точкой для Смердякова оказывается именно Иван — человек, который его полностью покоряет, ради которого он готов на все, потому Иван возвращает ему собственную идентичность.

То, что является для Ивана гипотезой, оказывается для Смердякова — аксиомой. То, что Иван рассматривает как одно из возможных решений, — Смердяков принимает как руководство к действию. Смердяков и сам творчески развивает учение Ивана. Например, доказывая Григорию, что вера или отсутствие веры — это одно и то же, поскольку на самом-то деле подлинной веры нет ни у кого, «кроме разве какого-нибудь одного человека на всей земле, много двух, да и то, может, где-нибудь там в пустыне египетской в секрете спасаются, так что их и не найдешь вовсе» (т. 9, стр. 148).

Иван принимает это рассуждение благосклонно.

Хотел ли Иван, чтобы из его высокотеоретических размышлений были сделаны именно такие выводы, которые привели к убийству его отца и тра-